

Колыц Аниз

04.12.98

ИЗДАЛЕКА ОНА ПРИШЛА

На окраине Люксембурга живет поэт Аниз Колыц

Независимая газета. — 1998. — 4 дек. — с. 12

Владимир Катин

В ЭТОМ ГОДУ ей исполнилось 70... Мы беседуем в ее просторной квартире на окраине столицы Люксембурга, где Аниз живет одна, в окружении книг, портретов и фотографий дорогих и близких людей, многих из которых уже нет. Позади — интересная, насыщенная событиями жизнь, впереди — продолжение творческого пути. Более двадцати сборников стихов, многочисленные публикации в литературных изданиях, двенадцать книг, вышедших в переводах за рубежом, десять премий (национальных и международных) — таковы контуры ее поэтической биографии. Последняя, самая престижная премия, которой Колыц удостоена в этом году за сборник «Звуковой барьер», — Премия Аполлинера. Еще ее называют Гонкуровской премией в поэзии. Она была учреждена в 1941 году, комитет премии долгое время возглавлял Жан Кокто. Присуждается премия раз в год и, как правило, только поэтам Франции. До Аниз Колыц было сделано всего три исключения для поэтов из других стран, но пишущих на языке Аполлинера.

«А писать я начала с тех пор, как постигла алфавит, — рассказывает Аниз Колыц. — Что-то компоновала из букв, из слов, стараясь изложить на бумаге мое восприятие жизни... Первые попытки самовыразиться были в прозе. К поэзии пришла в 12 лет — уже осознанно. И она стала неотъемлемой для меня навсегда.

*Обрубите ветви мои
Спишите меня распилите
птицы не смолкнут
в моих корнях*

Это из давних стихов

Вначале, на протяжении двадцати лет я писала только по-немецки, хотя с детства в одинаковой степени владею тремя языками — леттебургшес, на котором говорят жители моей родины Люксембурга и французским. Предпочтение немецкому отдавалось в силу обстоятельств: в период оккупации французский язык был в загоне, искоренялся, как и вся пресса, литература на французском. Всех учителей тогда депортировали, учебники языка изъятия... Но затем я резко перешла на французский, и иногда перевожу свои стихи на немецкий с французского. Так что все сборники последних лет вышли на этом языке. На леттебургшес написано

Поэт.

несколько книг для детей. Ты спрашиваешь, почему мои стихи — а я их называю поэмами — такие короткие... Да, действительно, у меня нет произведения, которое не умещалось бы на страничке машинописного листа. Мой принцип, концепция, взгляд: использовать минимум слов для передачи максимума чувств и мыслей».

В этом, собственно, суть поэзии Аниз Колыц — в предельной краткости. Читателю выдается сгусток, плотный клубок эмоций или суждений, которые он сам должен размотать, интерпретировать на свой лад, сопережить, осмыслить. Вот, например, поэт говорит о себе:

*Издадека
я пришла
бездомные реки
меня привели с собой
гнезда грез
в волосах у меня
рыбы пленные
моим ртом
поедают в печали
строки моих стихов
и в черном русле
крови моей
плавниками
прокладывают пути
вечной тоске по дому*

«Знаки препинания, пунктуация? Нет, я умышленно их опускаю, чтобы мой читатель сам все расставил по своему усмотрению... Я даю ему полную свободу не только поразмышлять над моими поэмами, но и прочесть их в той интонации, в том ритме, какой ему покажется наиболее подходящим... Вспоминаю себя в двенадцатилетнем возрасте: писала свои первые стихи определенной стопой (трехсложной, например);

употребляла размер, в том числе ямба, абсолютно не имея при этом никакого понятия, что такое стопа или размер...

Уже значительно позже, роюсь в библиотеке отца, нашла книгу о поэтике, где все то, до чего я инстинктивно дошла сама, объяснялось литературоведами... В моих вещах нет рифмы в ее классическом виде, но в них есть

свой ритм. И я следую ему, когда пишу. Это ритм моего сердца, пульса. В переводах это зачастую утрачивается».

Возможно, Аниз права. Но в переводах ее стихов на русский, сделанных Еленой Туницкой, кое-что сохранено:

*Мои стихи —
Муравейники
Среди слов
темных и кишащих —
плодовитые царицы
тысяч бескрылых работников*

Можно ли отнести стихи Аниз Колыц к модернизму, хотя бы с точки зрения подачи, оформления? Наверное, и да, и нет. По утверждению самой Аниз, она не стремится к модернизму как таковому, не берет себе за образец какую-то школу или направление в поэзии. Творит так, как ей подсказывает естественное чутье. Вслушаемся и вдумаемся:

*На каждой странице
кровавый след
он приводит
поэта
к смертельно раненой
жертве
Жертва — это всего лишь
он сам*

«Тематика моего творчества вполне конкретная, определенная, в ней нет абстракции. Это вечные темы: жизнь, любовь, время... Когда я пишу, я не думаю о читателе, не думаю о том, поймет ли он меня. Читатель сам меня найдет...»

Слушая Аниз, я раскрываю лежащий перед мною томик ее поэм:

*Центра нет,
поскольку все — движение,
Пристроиться к нему —
оно твоё
Перелистываю страницу:
Как упавшие листья
годы лежат на земле
а нам
все предсказывают
будущее без конца*

Действительно, читатель находит поэта... Ведь неспроста стихи Аниз Колыц переведены практически на все основные европейские языки. На русском ее творчество представлено в сборниках «Поэзия Люксембурга», «Тени на обоях», а в конце прошлого года в московском издательстве «Вестъ» вышел «Звуковой барьер».

Интерес к своеобразной поэзии Аниз Колыц в ее стране и за рубежом объясняется,

с одной стороны, вечными темами, о которых она говорит, с другой — сугубо индивидуальной философской их интерпретацией. Размышления о смысле бытия, о быстротекущем времени проходят через все творчество поэта, порождая вопросы, ответить на которые она предлагает порой самому читателю:

*Отвергнутая всеми алтарями
я упрямо иду
против течения времени
Между надеждой и безнадеежностью
есть ли различие?*

Аниз Колыц приглашает вместе с ней предаться сомнению:

*Ответы я знаю
но на какие вопросы?
И разве слово
учит кого-нибудь жить?*

Некоторые ее сочинения воспринимаются как афоризмы:

*Все мы идем
по одной дорожке
но путь другого
никто не знает*

Поэзия Колыц насыщена яркими и неожиданными образами: «В городе открываются зонтики — поля черных подсолнухов, а я кутаюсь в водные нити, спускающиеся до земли», «Слово мертвой птицей падает в гуцу осок», «На моих губах застывает любое слово, превращаясь в сыпучий снег», «Утро сидит на заборе — олицетворяет и первого петуха, метит каленым железом, а солнце переваливается с боку на бок на разбросанных всюду перьях»...

Критики справедливо отмечают откровенность и внутреннее беспокойство, тревогу в личных переживаниях в ее стихах. Особенно это относится к любовной лирике, откровениям, к накалу страстей:

*Мужчина мощный
словно река
заполняет мою постель
Он превращает ее
одновременно
в заповедник
в опытное поле
в бойню*

Причудливая эротика проступает в таких великолепных строках:

*Ты Христос
Вошедший в мой город
в бреду
Запомни
Доски моей кровати
будут твоим крестом*

В девятнадцать лет Аниз вышла замуж за человека намного ее старше. Это было то послевоенное время, когда уцелевшие возвращались из нацистского плена, из лагерей, из Сопровителения... В рядах Сопровителения находился и врач Рене Колыц. Они прожили вместе двадцать четыре года, трое взрослых детей продолжают сейчас род двух известных в стране фамилий — Майриш и Колыц. О любви и о чувствах к любимым написано множество страниц и строк... Аниз Колыц сказала о своей любви к Рене и о постигшей ее утрате со свойственным ей лаконизмом:

*Ты уплыл
в глубины моей памяти
я уже не узнаю тебя
тело твоё застыло
столбом соляным
из моих слез*

«Потеря беззаветно любимого мужа была для меня тяжелейшим испытанием... Я не знала, как жить дальше, была сама не своя. Бросила писать и два года не прикасалась к листу бумаги. Тогда я работала в одном культурно-просветительном учреждении — в институте Гете. Туда часто наведывался за книгами один студент, с которым мы долго беседовали о жизни. На мои сомнения — продолжать ли дальше писать или бросить все — он отвечал довольно просто: «Разве птицы задаются вопросом — петь или нет? Они поют!» Он убедил меня, я поверила в себя и снова взялась за перо... Этот студент, Жан-Клод Юнкер, теперь признанный авторитет в мировой экономической науке и премьер-министр Люксембурга».

Аниз Колыц читает лекции, много ездит по свету, активно работает в Академии европейской поэзии, резиденция которой находится в Люксембурге. В свое время она вместе с мужем организовала в курортном городе Мондорфе знаменитые на всю Европу «Литературные дни», на них до сих пор раз в два года съезжаются поэты, чтобы почитать новые стихи, пообщаться, посидеть со стаканом за бесконечными разговорами о том, о чем могут до утра говорить только поэты...

Аниз Колыц хорошо знает и любит нашу страну. Много лет она — бессменный президент Ассоциации дружбы и культуры Люксембурга и России. За большие заслуги на этом поприще Колыц недавно была награждена орденом Дружбы народов.

«Я большой друг России. Несколько раз бывала в Москве, в Санкт-Петербурге. Но уже после крушения коммунистического режима. В советский же период ни разу не бывала — не ездил из принципа... Последний раз — это было года четыре назад — с дочерью Изабеллой и Франсуазой мы приехали в Москву сразу на нескольких грузовиках, привезли семь тонн собранной нами гуманитарной помощи, в основном медикаменты... Я очень люблю русского человека, хорошо чувствую его душу, она мне близка. Бывая в Америке, непроизвольно сравниваю — там высокое благосостояние, но много пустоты в людях, бездуховности... В России аккумулирован большой интеллектуальный капитал. Видимо, в советское время люди, не имея возможности копить деньги, накапливали в себе знания, культуру, обогащались духовно. То, что сегодня происходит в России, вызывает сожаление — безвозвратно транжирится этот интеллектуальный капитал. Странно все это — ведь такая и мощная, и богатая страна. Народ, что ли, привык, приучен к тому, чтобы постоянно страдать...»

Люксембург

